

# КОШКА В ШАТРЕ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О БОРЬБЕ ЗА ЗРИТЕЛЯ

Болот Шамшиев,

народный артист Киргизской ССР,  
лауреат Государственной премии СССР

Порой, когда я вижу на улице нашего города какого-нибудь паренька с ошеломительной «блямбой» на майке, с латинскими буквами, складывающимися в слова, которых он все равно не понимает, когда я вижу такого обалдевшего от счастья паренька, мне приходит в голову, что и мы в этом тоже виноваты. Те, кто делает кино, самое массовое и зрелищное из искусств. Что-то мы здесь явно упустили. А упустили мы вот этого самого парня. И хотя ни майка, ни вообще «одежка, по которой встречают», ничего еще, разумеется, не доказывают, я не могу не задуматься о том, что не очень-то, вероятно, волнуют этого паренька заботы наших киногероев о выполнении и перевыполнении плана, о какой-нибудь модели нового станка или даже об облике нового города за Полярным кругом. Нет, не волнуют. Или, вернее, мы сумели сделать так — десятками скучных картин, — что проблемы, очень важные и насыщенные сами по себе, перестали его волновать. В том виде, как мы их подаем на экране. И вот он, этот паренек, ловко ускользает из не очень, правда, хитро расставленных ему сетей нашего проката и бежит на нового Бельмондо, на «Танцора диско» или на какую-нибудь новую американскую киноакулу («Челюстей» у нас, правда, не было, но что-то в таком роде, пусть не такое устрашающее и масштабное, все время крутится в кинопрокате). А мы стыдливо отступаем и словно не хотим ни бороться, ни конкурировать, ни соревноваться.

И здесь хочется поставить вопрос еще шире. А разве не должны мы воевать за зрителя, и за нашего, — да, в первую очередь, конечно, за нашего, своего, — но и за зарубежного тоже? Ведь пока мы не будем бороться активно, в открытую своими фильмами на мировом экране, мы и у себя в стране с молодым зрителем никакой битвы не выиграем.

Разве наши фильмы, резонно возразите вы, не идут за границей, разве их не покупают, разве не получают они призы на международных фестивалях? Я думаю, что мне как представителю студии «Киргизфильм», не раз облаканной такими призами (здесь и наши фильмы «Выстрел на перевале Караш», «Алые маки Иссык-Куля», «Белый пароход»), грешно было бы жаловаться, но ведь не об этом речь. Да, у нас есть хорошее кино, да, оно снискало нам успех и славу и в стране, и за границей, но как робко, как еще скромно пытаемся мы выступать на мировом экране с самой что ни на есть открытой пропагандой — действенной, увлекательной, зрелищной — нашего образа мыслей, образа жизни!

Убежден в одном — чтобы нам сегодня конкурировать и побеждать на мировом экране, необходимы не только талант режиссера, актера, сценариста, ими наша земля не оскудела, но еще и значительное совершенствование всего кинематографического производства и проката. Потому что сегодняшнее кино — это технически оснащенные киностудии, новейшая съемочная аппаратура, малозумные камеры, высокого качества пленки. И все это требует немалых средств, о чем еще раз напомнило нам недавнее постановление партии и правительства по вопросам киноискусства, один из краеугольных камней которого — забота об укреплении материально-технической базы кинематографа. В самом деле, без серьезного вложения средств сегодня нельзя делать серьезное кино, серьезно бороться за умы и души людей. Недаром, скажем, одной из самых значительных за последние годы стала многосерийная кинопоэма «Освобождение». Ее посмотрел, я думаю, каждый взрослый зритель у нас в стране, а сколько за рубежом? Это картина, масштабная, значительная. И, конечно, она потребовала очень значительных технических и материальных средств.

Мне могут возразить, что в то время, как в стране идет борьба за экономию и бережливость, некий кинематографист ратует за какие-то особые привилегии, жалуется на недостаточные материальные средства, отпускаемые на фильмы.

Да, могу себе отчетливо представить, сколько недоумений способна вызвать сейчас подобная постановка вопроса. Но речь, вероятно, должна идти не о каком-то «золотом дожде», который должен пролиться на киностудии, отнюдь. Мы все отчетливо себе представляем, сколько забот и проблем у нашего государства, сколько нужно средств на решение этих проблем. И хотя кино было и остается весьма доходной отраслью нашего народного хозяйства, мы понимаем, что здесь нужно четко отделять зерна от плевел и видеть, кто и каким образом работает для зрителя, а шире говоря — для народа. Есть фильмы, которые делают ставку на примитивный кассовый успех. Вероятно, такие ленты могут быть в обиходе развлечений, но не на них, естественно, строится репертуар. Есть же фильмы, которые, на мой взгляд, вообще ни-

кому не нужны, кроме авторского коллектива и многочисленных друзей и сомышленников, сугубо для домашнего пользования, — мелкие семейные «бури в стакане воды». Таких якобы психологических лент сейчас развелось немислимое количество. Подобные сценарии, цену которым все видят с самого начала, тем не менее запускают в производство и худо-бедно выпускают фильмы, зритель их не смотрит, но деньги уже потрачены.

И есть, наконец, фильмы, остро необходимые сегодня народу и государству, партии, и именно о них я здесь и говорю. Да, они действительно могут (повторяю, могут!) потребовать серьезных средств для своей реализации, но эти средства следует, вероятно, в значительной степени изыскивать за счет тех картин, которые не имеют столь насущной необходимости, то есть за счет внутреннего перераспределения.

Пусть не воспримется здесь личный пример как нескромность, но, скажем, когда мы недавно работали на «Казахфильме» над фильмом «Снайпер Лия», нам постоянно не хватало то костюмов (обыкновенных тулупов), то реквизита, то участников массовки — были большие батальные сцены. Надеюсь, мне не надо здесь доказывать важность реализации фильма об Алии Молдагуловой, женщине, ставшей Героем Советского Союза и героиней казахского народа...

...Приведу одну восточную легенду. Как-то Насреддин подошел к шатру, вокруг которого собралась и шумела толпа: «Там такой зверь сидит!» Насреддин вошел туда, посмотрел и увидел... кошку. Но вышел и сказал: «Там такой зверь сидит!» Тогда еще один человек вошел и увидел кошку. И спросил Насреддина, зачем он обманывал людей. А тот ответил: «Чтобы не думали, что я один такой дурак, чтобы не разглядеть кошку в шатре».

Вот я и думаю: не получается ли у нас такая же история с иным фильмом? Все мы знаем ему цену уже тогда, когда он снимается, или еще раньше, но делаем вид, что в шатре не кошка, а какой-то дикий зверь. Но зритель-то видит то, что на самом деле. И в следующий раз может нам и не поверить. Задумывались ли мы когда-нибудь над тем, какую цепь разочарований влечет за собой каждая такая поделка, стремление заманить зрителя на «кошку в шатре»?

Я понимаю, что, наверное, несколько сгустил краски в полемическом запале, но ведь действительно надо что-то делать с потоком серых, бессодержательных картин, если мы всерьез хотим бороться за зрителя. А бороться надо.

Сов. культура, 1985, 10 сент.